

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОАРХЕОЛОГИИ

ЭО, 2006 г., № 5

© И.С. Манюхин

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ И ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЛАПОНОИДНОГО ТИПА

Вопрос о времени и особенностях формирования лапоноидного типа продолжает оставаться дискуссионным в финно-угроведении. Автор статьи, археолог, представляет концепцию этногенеза саамов на основе сопоставления данных антропологии, лингвистики, археологии, в меньшей мере истории и этнографии. Антропологическая часть исследования явилась наиболее сложной. Однако любому исследователю этногенеза приходится искать пути сопоставления данных разных наук. Только так может быть создана междисциплинарная теория этногенеза и решены задачи конкретных этногенетических исследований (*Манюхин 2002*).

Уровень физического различия между отдельными группами саамского населения намного ниже, чем уровень отличия всех саамов от любого другого этноса. Это позволяет предполагать, что антропологическое становление саамов происходило в относительной изоляции и, вероятно, совпадало по времени со становлением их языка и основных особенностей материальной культуры.

По мнению антропологов, саамы – одна из наиболее изученных популяций мира. Правда, изучена антропология современного населения (саамских популяций Финляндии и России – лучше, саамов Норвегии и Швеции – не столь полно). В первых двух странах проживает около 6,4 тыс. саамов, а в последних – около 29 тыс. Очевидно, что в степени изученности современных саамов наблюдается определенная неравномерность, и используемые для их расогенеза выводы более опираются на восточные лопарские группы. Палеоантропологические материалы немногочисленны, что мешает прослеживанию динамики развития саамской популяции во времени и пространстве. Тем не менее полученные данные достаточны для того, чтобы выявить основные генетические компоненты и определить начальный период становления антропологического типа саамов.

При кажущейся пестроте концепций и выводов, полученных по разным системам признаков (соматологических, краниологических, дерматоглифических, одонтологических, серологических), выделяются два исходных генетических компонента: северный европеоидный и восточный приуральский монголоидный. Первый компонент в антропологии саамов на Севере Европы – более древний автохтонный, с корнями, уходящими в мезо-неолитическое время, второй – более поздний, проникающий на эту территорию вместе с волной приуральского населения лишь около середины I тысячелетия до н.э. Слияние двух компонентов и положило начало становлению антропологического типа современных саамов. Подобная двукомпонентность прослеживается и по другим признакам. Так, в языке обнаруживается местное субстратное ядро, восходящее к доприбалтийско-финской и вообще к финской речи, и чуждый для

Игорь Семенович Манюхин – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и филологии Самарского института Министерства юстиции России.

севера финский язык, прямой предок более позднего саамского языка. В археологии древнесаамская культурно-историческая общность, состоящая из родственных по происхождению культур позднекаргопольской, лууконсаари и кьельмо, или "арктической", образовалась в результате контакта местных северных древностей конца эпохи бронзы с пришлой ахозинско-ахмыловской культурой Поволжья. Таким образом, время контактирования и слияния двух разных по антропологии, языку и материальной культуре компонентов и привело к началу формирования саамской народности. Такой подход предполагает довольно позднее, по сравнению с предшествующими авторитетными точками зрения, становление лопарей.

В антропологии концепция двух компонентов, с одной стороны, объясняет сходство саамов с народами Поволжья и Приуралья, прежде всего с марийцами и удмуртами, и Зауралья, хантами и манси, с другой – объясняет европеоидность саамов по ряду иных существенных признаков.

Расогенез лопарей и его место в расогенезе других финских народов. С 1940–1950-х годов до настоящего времени вопросы о происхождении антропологического типа саамов и его месте среди других уральских народов решаются в рамках двух основных концепций: метисационной и автохтонной. Сторонники первой рассматривают возникновение уральских народов, в том числе саамов, как результат грандиозного процесса смешения древних европеоидов и монголоидов. Основными аргументами этой теории являются географическое положение финно-угров между двумя расообразовательными центрами – западным европеоидным и восточным азиатским монголоидным, наличие монголоидной примеси у современных финских народов от Скандинавии до Урала и нарастание этой примеси с запада на восток от Прибалтики к Поволжью и Приуралью; присутствие монголоидной примеси в европейских палеоантропологических материалах. Эта концепция находит также подтверждение в широком распространении на Севере Восточной Европы финских языков и родстве этих языков с угорскими, на которых говорит население Зауралья и Западной Сибири, обладающее отчетливыми монголоидными чертами, а, кроме того, саамского языка с самодийскими и юкагирским (Жиров 1940; Дебец 1948; Акимова 1953; Витов и др. 1959; Марк 1956а, 1975, 1982; Алексеев 1969, 1974а, 1974б; Денисова 1975; Беневоленская 1991; Хить 1983, 1991).

Сторонники второй теории отрицают ведущую роль метисации в сложении уральцев и говорят о самостоятельном пути их развития. Эта теория основывается на положении В.В. Бунака о множественности расообразовательных центров и исключительной роли недифференцированных комплексов на всех этапах расообразования этих народов вплоть до современности, наличии противоречивых, необъяснимых, с точки зрения теории метисации, признаков, особенно у западнофинских народов (например, сочетание уплощенности лица, трактуемое как проявление монголоидности, со светлой пигментацией), наличии противоречивых признаков и в палеоантропологических материалах, что, по мнению этой группы ученых, свидетельствует об антропологическом своеобразии уральской расы и древней недифференцированности составляющих ее исходных типов (Бунак 1956, 1965, 1980; Якимов 1953, 1960; Гохман 1986; Козинцев 1991). Список участников дискуссии и особенно список трудов может быть увеличен в обоих случаях.

Особое место в этой дискуссии занимает вопрос о саамах, которого в той или иной степени касались многие антропологи. Исследования выявили, что по многим показателям саамы уникальны. Большинство ученых выделяет лапоноидный тип в качестве самостоятельной единицы расовой систематики. Сторонники метисационной гипотезы объясняют своеобразие саамов наличием у них небольшой монголоидной примеси приуральского или зауральского происхождения. Наиболее развернуто эта точка зрения представлена в работах В.П. Алексеева (Алексеев 1969: 138–141, 1974а: 85–105, 1974б: 235–241). Недифференцированный статус саамов отстаивали К. Кун и В.В. Бу-

нак (Сооп 1939; Бунак 1956: 86–105, 1965: 174–190, 1980), а вслед за ними и другие антропологи. Ряд ученых писал о глубокой древности лапоноидного типа, его широком распространении в древности и большом участии в расогенезе прибалтийско-финских народов (Марк 1956а, 1956б; Бунак 1965: 176; Денисова 1982: 65–81; Хартанович 1991: 19–33; Гравере 1977: 78–93, 1984: 26–37).

Немногочисленный палеоантропологический материал не позволяет проследить динамику краниологических показателей у саамов во времени и пространстве, но ретроспективное исследование от современных саамских серий черепов к более древним помогает осветить вопрос о периоде возникновения их антропологического типа и степени сходства и предполагаемого генетического родства разновременных материалов.

Современные краниологические серии. Поздний краниологический материал получен из нескольких районов проживания саамов. К. Скрейнером раскопано шесть саамских кладбищ предположительно XVIII в. в норвежском Финмарке. С каждого кладбища получена серия в несколько десятков черепов, однако отсутствие в списке показателей измерений, определяющих горизонтальную профилированность лица и переносья, не позволяет использовать эти материалы в полном объеме (Schreiner 1931, 1935).

Г.Ф. Дебецом в 1961 г. и А.Г. Козинцевым в 1985 г. были получены обширные серии лопарских черепов из северной Финляндии. Данные по измерениям Г.Ф. Дебеца опубликованы В.П. Алексеевым. Основания для датировок указанных черепов не очень определенные, но ясно, что подавляющая их часть относится к XVIII–XIX вв. В 1975 г. более 70 черепов были получены при обследовании саамских кладбищ конца XIX – начала XX в. близ бывших погостов Чальмны-Варре и Иоканьгского в восточной части Кольского п-ова (Алексеев 1974а; Козинцев 1991: 34–35; Гохман и др. 1978: 51–67).

Сравнение разных серий свидетельствует о единстве краниологического комплекса у современных лопарей, который выражается в грацильной, короткой и широкой, очень низкой черепной коробке брахикранной формы, низким, широким, уплощенном по европейским масштабам лице, средневыступающем носе и средней высоты переносье (Хартанович 1991: 23). В.П. Алексеев и другие антропологи подчеркивали, что морфологическая специфика лопарей не находит подтверждения в краниологических наблюдениях. По сумме признаков их удаленность от всех других финских популяций, особенно прибалтийско-финских народов, очень невелика (Алексеев 1974а: 66–67).

Краниологические серии эпохи раннего металла и средневековья. Ближайшими по времени к современным материалам являются немногочисленные черепа из каменных ящиков района Варангера в норвежском Финмаркене. Подобные захоронения относятся к так называемому лопарскому железному веку и датируются по последним сведениям от I до XVII в. н.э. (Kleppe 1977: 32–37). Серия из Варангера описана К. Скрейнером. По мнению В.П. Алексеева, различия между современными и более ранними черепами указывают на генетическую преемственность между ними. Черепа из каменных ящиков отличаются более узкой черепной коробкой, более широким и низким лицом. Отсюда был сделан вывод о том, что низколициесть и широколицесть лопарей представляют их древнюю особенность, а такой характерный признак, как брахикефалия, образовался сравнительно недавно (Алексеев 1969: 139–140, 1974а: 101–102). Г.Ф. Дебец, касаясь этой серии, отметил, что население того времени еще не выработало тех весьма специфических черт лапоноидного типа, которыми последний отличается в настоящее время (Дебец 1948: 156).

Следующую, более раннюю палеоантропологическую серию, которую отождествляли с саамами, представляют черепа из Южной Похьянмаа, из мест Кельдамяки и Леванлухта. Однако сам характер находок и последующие антропологические изыска-

ния не подтверждают этот вывод. Оба местонахождения содержали многочисленные костные остатки и сопровождалась костями домашних животных (лошадь, корова), скандинавскими бронзовыми украшениями. Западные антропологи (К. Хэльстен, Х. Бломквист) отметили долихокранность черепов и их сходство с черепами северных германцев (*Kivikoski* 1961: 182–183). Г.Ф. Дебец также указывал, что по основным размерам и форме мозговой коробки черепа из торфяников Финляндии сходны с черепами современных шведов, а еще ближе с черепами из Швеции эпохи викингов. Но более существенные признаки, такие как степень уплощенности лица и выступание носовых костей, сближают указанные черепа с саамскими. Эти признаки свидетельствуют о небольшой монголоидной примеси, характерной для лопарского комплекса (*Дебец* 1964: 233–239). К этому мнению присоединился позднее и В.П. Алексеев (*Алексеев* 1974а: 236–241).

В настоящее время такие признаки, как плосколицесть и плосконосость, которые раньше сторонниками метисационной концепции рассматривались в качестве веских аргументов лопаноидности или монголоидности, определяются как широко распространенные и характерные для некоторых европейских групп населения Средней и Восточной Европы с эпохи позднего палеолита, мезолита и неолита (*Гохман* 1984). Таким образом, указанная серия не может быть признана саамской.

Следующая более ранняя серия костных остатков происходит из могильника на Большом Оленьем о-ве в Кольском заливе Баренцева моря в Мурманской обл. России. Из 46 погребений могильника археологами вскрыто только 21. Другая часть могильника уничтожена карьером и грабительскими раскопками. А.В. Шмидт датировал памятник ориентировочно 1000–500 гг. до н.э. – 200–300 гг. н.э. (*Шмидт* 1930: 156–160), Н.Н. Гурина – в широких пределах эпохой раннего металла (*Гурина* 1997: 96–99). По нашему мнению, различия в погребальном обряде, перекрытие одного погребения другим говорят о несинхронности погребений. Часть находок, а именно куски железной руды и костяные вещи, свидетельствуют о весьма поздней дате некоторых захоронений, совершенных после 500 г. до н.э. В трактовке автора данной статьи могильник принадлежит к ранней фазе культуры кьельмо, относящейся ко времени от середины I тысячелетия до н.э. – до рубежа н.э. Костный материал из раскопок А.В. Шмидта обследован С.Д. Синициным, который не решился сделать окончательный вывод об историко-генетической связи оленеостровцев с саамским населением Кольского п-ова, но все же указал на их сходство в отношении формы головы (брахикефалия). Он также отметил: хотя рост оленеостровцев был несколько выше, чем у современных лопарей, тем не менее находится в пределах индивидуальных вариаций этого признака у последних (*Синицин* 1930: 181–183).

Г.Ф. Дебец при рассмотрении материалов из раскопок А.В. Шмидта пришел к заключению: нельзя отрицать связь северных оленеостровцев с лопарским антропологическим типом, вместе с тем с современными представителями они не идентичны (*Дебец* 1948: 156).

Обстоятельная характеристика серий из раскопок А.В. Шмидта и Н.Н. Гуриной дана В.П. Якимовым. По мнению этого антрополога, серия достаточно однородна, но костяки из трех наиболее глубоких захоронений имеют некоторое своеобразие, что подтверждает предположение автора о разновременности захоронений. В.П. Якимов, используя весь краниологический материал, подтвердил заключение Г.Ф. Дебеца о гетерохронности антропологического типа оленеостровцев Кольского п-ова с саамами. Более того, согласно его заключению, оленеостровский тип, обнаруживая известное сходство с монголоидными типами Севера европейской части России, по всему комплексу признаков не обнаруживает значительного сходства ни с одним из современных антропологических типов. Можно говорить лишь об отдельных признаках или некоторых их сочетаниях, которые сближают оленеостровскую серию с теми или

иными современными вариантами. В.П. Якимов установил, что средний рост мужских скелетов равен 166 см, а женских 156 см (Якимов 1953: 348–485).

В.П. Алексеев в работе от 1969 г. при рассмотрении антропологического типа саамов не упомянул серию с Большого Оленьего о-ва, а в работе 1974 г. назвал ее лопарской, тем самым признавая ее сходство с более поздними краниологическими материалами (Алексеев 1974а: 85–105).

Особого освещения требует вопрос о сходстве оленеостровских черепов с ананьинскими. Впервые на близкое сходство черепов оленеостровцев с черепами из ананьинского Луговского могильника обратила внимание Т.А. Трофимова. По мнению исследовательницы, обе указанные серии относятся к древнему низколищному типу, пережиточно сохранившемуся в Восточной Европе в составе населения ананьинской культуры и на Севере на Большом Оленьем о-ве (Трофимова 1941: 174–186, 1968: 69–72). К этому выводу пришел и М.М. Герасимов (Герасимов 1949).

Г.Ф. Дебец также считал, что черепа из Луговского могильника представляют собой особый монголоидный тип, который заслуживает самостоятельного места в расовой систематике. Сибирское происхождение этого типа не вызывает сомнений, но вопрос о времени его распространения к западу от Урала пока не ясен. Подобный антропологический тип был выделен во втором Полянском могильнике (Дебец 1948: 151–155).

Укажем, что оба названных выше могильника находятся в Волго-Камье. Луговской могильник датируется VIII–VI вв. до н.э., содержит 70 погребений (Збруева 1942, 1952: 11–135; Халиков 1977: 75). Во втором Полянском могильнике раскопано 30 погребений, из которых 22 эпохи бронзы – позднеприкавказские и 8 эпохи железа – раннеананьинские. Памятник датируется IX–VII вв. до н.э. (Халикова 1967: 116–132; Халиков 1977: 75).

В.П. Якимов указал на исключительную близость черепов оленеостровцев с луговскими, которая, по его мнению, отражает генетическое родство антропологических типов. Для объяснения этого сходства В.П. Якимов привел гипотезу М.Е. Фосс, которая писала о продвижении ананьинских племен из Прикамья на Европейский Север, и указал, что эта гипотеза подтверждается антропологическими материалами (Якимов 1953: 466–467).

В.П. Алексеев отметил, что черепа из второго Полянского могильника представляют тип, близкий типу населения, оставившего Луговской могильник, – такой же низколищный и широколищный, с уплощенным лицевым скелетом и малым выступанием носовых костей с монголоидными особенностями. Обнаружение аналогичного типа в могильниках предананьинского и ананьинского времени – первое доказательство столь раннего проникновения низколищных монголоидов из Сибири в Прикамье. Оценивая своеобразие антропологического типа лопарей, В.П. Алексеев полагал, что он образовался на Севере Европы в ананьинское время благодаря проникновению низколищного монголоидного компонента из Сибири и смешению его с европеоидами (Алексеев 1969: 140, 148). Этот важный вывод в дальнейшем, к сожалению, не был развит и отчасти потому, что среди сторонников метисационной концепции сохраняется традиция считать основным периодом проникновения западносибирского или, шире, восточного, населения мезо-неолитическое время. Подтверждения этому находили в археологических теориях. Работы последних лет позволили отнести проникновение ананьинского приуральского населения на Север Европы к концу эпохи бронзы – началу эпохи железа (Косменко 1993; Манюхин 2002). Широкие связи ананьинцев с западносибирским регионом теперь также установлены со всей очевидностью (Халиков 1977; Кузьминых 1983; Патрушев 1984).

Если прибавить к антропологическим и археологическим параллелям языковые, то выстраивается довольно последовательная пространственно-хронологическая линия, связывающая Зауралье и особенно Приуралье с Северо-Западом России, Северной и

Восточной Фенноскандией. И эта линия указывает на время, направление и исходный район, откуда произошло выдвижение восточного компонента, обусловившего своеобразие и уникальность антропологического типа лопарей. Именно этим объясняется антропологическое сходство лопарей с марийцами, удмуртами, хантами и манси. Очевидно, что один и тот же монголоидный элемент вошел в состав всех перечисленных народов. Интересно отметить, что о проникновении монголоидного компонента на Север писали сторонники как автохтонной, так и метисационной теорий происхождения уральских народов (В.П. Алексеев, В.П. Якимов). Добавим, что население центральных районов ананьинской культурно-исторической общности не было однородным. В большинстве ананьинских могильников Волго-Камья, чьи палеоантропологические материалы изучались специалистами, представлены и монголоиды, и европеоиды (Акимова 1968: 51–55). Поэтому продвинувшееся на Север население было неоднородным европеоидно-монголоидным.

Палеоантропологические материалы эпохи камня. По мнению ряда антропологов, некоторые черепа из неолитических могильников лесной полосы Восточной Европы сближаются по своим характеристикам с лапоноидными. Р.Я. Денисова и В.И. Хартанович даже пришли к выводу об их генетической связи с современными лопарями (Денисова 1982; Хартанович 1991). Это обстоятельство делает необходимым рассмотрение указанных находок.

В обобщающей сводке по антропологии СССР Г.Ф. Дебец указал на два лапоноидных черепа из Волго-Окского междуречья (Дебец 1948: 87). Позднее к лапоноидным были отнесены еще два черепа из Эстонии (Марк 1956а) и столько же из Вологодской обл. (Акимова 1953). На основании этого был сделан вывод о глубоком мезо-неолитическом возрасте лапоноидного типа и широком распространении его в лесной полосе Восточной Европы. Учитывая важность этого вопроса и до сих пор существующее влияние указанного мнения на представления об этногенезе лопарей и западнофинских народов, автор данной статьи еще раз вернулся к указанным находкам и рассмотрел достоверность их датировок и антропологическую аргументацию.

В Волго-Окском междуречье от одного из указанных Г.Ф. Дебецом черепов из Языково в Калининской обл. сохранилась только часть черепной коробки, что препятствует его точной идентификации. У второго черепа из Старшего Волосовского могильника в низовьях р. Оки в Горьковской обл. были отмечены черты, сближающие его с лапоноидным типом более чем с каким-либо другим (Дебец 1948: 87). М.С. Акимова считала, что указанный череп имеет монголоидные особенности (Акимова 1953: 59). Старший Волосовский могильник датируется теперь не неолитом, а эпохой бронзы, временем не старше II тысячелетия до н.э. (Попова 1960). Соответственно, к этому времени и относится указанный череп. К.Ю. Марк ошибочно отнесла к протолапоноидному типу один из черепов Володарской стоянки на р. Оке, сделав при этом ссылку на работу М.С. Акимовой 1953 г. (Марк 1956б: 223). Между тем в упомянутой работе оба черепа с Володарской стоянки отнесены к "чисто европеоидному типу" (Акимова 1953: 64). Таким образом, оказывается, что в Волго-Окском междуречье нет черепов лапоноидного типа эпохи неолита.

Антропологи также отмечали сходство двух черепов из раскопок А.Я. Брюсова (памятники Караваихи и Модлона на оз. Воже в Вологодской обл.) с лопарскими. По мнению М.С. Акимовой, женский череп с Караваихи отличается брахикранией, небольшой высотой, очень низким лицом, что сближает его с женскими саамскими черепами. По сохранившейся плечевой кости определена довольно большая длина костяка – 166 см. Этому черепу близок еще один череп с Модлоны (Акимова 1953: 57). М.М. Герасимов характеризовал череп с Модлоны как брахикранный, европеоидный, но с некоторыми элементами монголоидности в виде слабой профилировки лицевого скелета и сплюснутых носовых косточек (Герасимов 1949: 88–89).

Мы подробно ознакомились с полевой документацией и материалами из раскопок А.Я. Брюсова на оз. Воже и пришли к убеждению, что неолитический возраст обеих находок не установлен, а точный возраст их не может быть установлен вообще. На памятниках в перемешанном виде встречаются находки от эпохи камня до эпохи бронзы и железа, а на Каравайхе – и эпохи средневековья. В последнем пункте интересующее нас погребение женщины было совершено вместе с некоторыми другими одиночными захоронениями ниже культурного слоя, который был датирован А.Я. Брюсовым концом III–II тысячелетием до н.э. (Брюсов 1948: 48, 1951: 48–54, 1961: 73–75). Подобное стратиграфическое наблюдение еще не говорит о древности захоронения, а никакого погребального инвентаря в этой группе захоронений не обнаружено. Судя по известным в лесной полосе Восточной Европы отдельным погребениям эпохи камня и энеолита, большинство из них сопровождается находками. Отсутствие последних может косвенно свидетельствовать о принадлежности безынвентарных могил к более позднему времени. На Модлоне женский череп был найден в верхней части культурного слоя (Брюсов 1951: 45), что также не разъясняет вопроса о его временной принадлежности, но скорее свидетельствует о поздней дате находки. Точная характеристика черепа затруднена из-за отсутствия у него нижней челюсти.

Итак, ни в Волго-Окском междуречье, ни на Севере России нет черепов с лапоноидными чертами, которые можно было бы с уверенностью отнести к неолиту. Обратимся теперь к палеоантропологическому материалу из Восточной Прибалтики. Немногочисленная серия черепов из торфяниковых памятников Эстонии и Латвии, главным образом из Валмы и Тамулы, неоднократно рассматривалась как предковая серия для прибалтийских финнов. На отдельных черепках находили лапоноидные черты, но чаще писали об определенной примеси монголоидности. В данном случае палеоантропологический материал использовался для подтверждения теории прибалтийских и финских археологов и лингвистов (Х.А. Моора, Ю. Айлио, Л.Ю. Янитса, П. Аристэ, К. Мейландера) о глубокой древности западных финнов и их многотысячелетнем проживании на территории современного расселения. С нашей точки зрения, эта теория и в настоящее время не имеет достаточных подтверждений в антропологии, лингвистике и археологии. В ее основе лежат прежде всего националистические взгляды. Все "прибалтийско-финские черепа" первоначально связывали с неолитической гребенчато-ямочной керамикой, а позднее, с момента открытия и раскопок могильника Звейниеки в Восточной Латвии, даже с мезолитом. Однако наибольшее влияние на вопросы о древности лапоноидного и прибалтийско-финского антропологических типов оказала именно постулируемая и подчеркиваемая связь с гребенчато-ямочной керамикой, которую рассматривали как не распавшуюся прибалтийско-финскую общность. Первой среди антропологов с наиболее последовательной аргументацией по этому поводу выступила К.Ю. Марк. По ее мнению, два черепа с поселения Нарва-Рийгюкала I и Тамула обнаруживают значительное сходство с лапоноидным типом, относящимся к уральской расе. Обе находки связывались с племенами ямочно-гребенчатой керамики (Марк 1956а, 1956б).

Мужской череп из Нарвы-Рийгюкалы I очень плохой сохранности, так что не все размеры его удалось установить. Предполагается, что он является мезокранным, с не очень крупными абсолютными размерами, широким и низким лицом, широким носом. При этом горизонтальная профилировка лица слабая (Марк 1956а: 51).

Поселение Нарва-Рийгюкала I находится на берегу р. Нарвы близ одноименного города в Эстонии. Погребение мужчины, откуда происходит череп, было обнаружено в жилище округлой формы диаметром около 6,5 м и залегало на 0,4 м выше пола в слое, густо насыщенном ракушником. Погребальный инвентарь не установлен. На памятнике встречена разновременная нарвская, гребенчато-ямочная неолитическая керамика и шнуровая посуда эпохи раннего металла. К какому времени относится по-

гребение и с каким керамическим комплексом оно связано, осталось неясным (Гурина 1955: 158–169; Янитс 1959: 91–93).

Женский череп из погребения № 1 со стоянки Тамула – также неполный, нет носовых костей. Череп характеризуется как мезокранный, с довольно большим скуловым диаметром и небольшой высотой лица (Марк 1956а: 52). Поселение Тамула в Эстонии находится около г. Выру. Это и другие погребения Тамулы относятся, вероятно, к позднему неолиту-энеолиту (Янитс 1959: 101–106). В обоих случаях связь черепов с гребенчато-ямочной керамикой твердо не устанавливается. Еще несколько черепов из этих памятников характеризовались как имеющие небольшую монголоидную примесь, что авторами метисационной теории рассматривалось как доказательство раннего смешения европеоидов и монголоидов и как свидетельство древности исходных для современных прибалтийских финнов антропологических типов (Марк 1956б: 242).

Против такой трактовки палеоантропологического материала выступил В.В. Бунак, который указал, что в изученной К.Ю. Марк группе из восьми мужских, женских и детских черепов многие размеры недостоверны вследствие неполной сохранности черепов. Группа явно не представляет собой однородного типа, отдельные черепа не воспроизводят комбинаций, характерных для того или иного расового ствола. Возможно, здесь проявляются черты недифференцированности, сохранения каких-то древних особенностей и комплексов, не прослеживаемых ныне (Бунак 1965: 177). Эта группа явно неоднородна в культурном и хронологическом отношении.

Таким образом, положение о "широком распространении лапоноидного типа в эпоху неолита в лесной полосе Восточной Европы" не подтверждается. Рассмотренные находки относятся к разному времени, достоверность их сходства с собственно саамскими краниологическими сериями из-за малой численности и плохой сохранности не может быть установлена. Кстати, и исследовавшие их антропологи в 1950–1960-е годы не делали далеко идущих выводов о принадлежности неолитических находок предкам современных саамов. Такие термины, как "лапоноидность" и "протولاпоноидность", обозначали лишь некоторое сходство древних черепов с саамскими и трактовались сторонниками метисационной концепции как общее свидетельство глубокой древности финнов в Восточной Европе.

Иную трактовку получили эти и некоторые другие новые материалы в ряде работ в 1980–1990-х годов. Так, латвийский антрополог Р.Я. Денисова на основании двух признаков – низкого свода черепа и уплощенности в горизонтальном сечении лица – выделила саамские признаки на черепах из памятников Валма и Тамула в Эстонии и части черепов мезо-неолитического времени из могильника Звейниекы в Восточной Латвии. Она отметила их близость с черепами из Оленеостровского могильника на Онежском оз. и Большого Оленьего о-ва в Баренцевом море. Ссылаясь на работы археологов Г.А. Панкрушева и П. Симонсена, исследовательница пришла к выводу о глубокой мезолитической древности лапоноидного типа, ассоциировала его с современными саамами и считала, что протолопари были расселены на огромной территории от южного побережья Финского залива, включая восточные районы Эстонии и северо-восточной Латвии, Карелию, Финляндию, Кольский п-ов и северо-восточную Норвегию. По ее мнению, можно говорить о существовании в прошлом древней протофинно-саамской общности, занимавшей в мезолите и неолите огромную территорию на Севере Европы (Денисова 1982: 65–81). Столь широкое заключение не может быть принято. Часть аргументов против этого уже была приведена выше и, чтобы не повторяться, автор остановится только на двух основных, по Р.Я. Денисовой, признаках лапоноидного комплекса: брахицефалии и уплощенности лицевого скелета.

Уже давно установлено, что горизонтальные пропорции мозговой коробки не могут быть отнесены к числу устойчивых антропологических признаков, поскольку эти пропорции подвержены временным изменениям. Сравнение средневекового и современного населения различных стран Европы ясно показывает, что в тех областях, где

в раннем средневековье были распространены резко доликефальные типы, уже в XVIII–XIX вв. стали преобладать брахикефальные элементы. Для Центральной России на процессы эпохальной изменчивости черепа обратил внимание А.П. Богданов, а вслед за ним и многие другие антропологи. Напомним, что о поздней брахикефализации саамов писали Г.Ф. Дебец и В.П. Алексеев (*Дебец* 1964: 233–239; *Алексеев* 1969: 138–141).

Гораздо большей устойчивостью во времени обладают особенности лицевого скелета, в нашем случае – ослабление горизонтальной профилировки лица и незначительное выступание носовых костей. Автор уже вкратце останавливался на современной трактовке этих признаков, но, учитывая важность вопроса, делает это вновь. Такие особенности лицевого скелета, как было показано в работах В.П. Якимова, В.В. Бунака, И.И. Гохмана, В.П. Алексеева, характерны для многих, начиная с верхнепалеолитического времени, коллекций эпохи камня в Центральной и Восточной Европе (*Якимов* 1953; *Бунак* 1956, 1965; *Гохман* 1986). Аналогичные признаки проявляются в средневековых и более поздних коллекциях Северо-Запада России. Поэтому трактовать брахикефалию и уплощенность лицевого скелета как специфические саамские признаки, да еще делать на этой основе далеко идущие выводы не расового, а этнического порядка, невозможно. Более верную, с нашей точки зрения, позицию Р.Я. Денисова обозначила в работе 1975 г., когда писала, что выделение антропологических типов на основании единичных, к тому же плохо сохранившихся, черепов, не может быть объективным. Поэтому описанные в литературе варианты неолитического населения лесной зоны СССР, такие как палеосибирский, лапоноидный, кроманьонский и другие, скорее всего отражают индивидуальные особенности описанных черепов (*Денисова* 1975: 77–78).

Сходную с Р.Я. Денисовой позицию занимает и В.И. Хартанович. Он не разделяет мнение указанного автора о лапоноидности некоторых черепов из могильника Звейниекки, но подчеркивает сходство черепов из Валмы и Тамулы с современными саамскими. В.И. Хартанович считает, что для всех прибалтийско-финских народов исходным является протолапоноидный тип или протолапоноидный пласт, основные особенности которого у карел были видоизменены последующими европейскими влияниями, а у саамов сохранились в наиболее "чистом виде" (*Хартанович* 1991: 21–23). Основные аргументы против такой постановки вопроса уже были рассмотрены. Отметим, что и сам В.И. Хартанович считает, что материалы из Валмы и Тамулы крайне небольшие по численности и плохой сохранности (Там же: 27).

Новые подходы в области краниологии. Пересмотр значимости ряда краниологических признаков, ранее выделяемых в качестве основных для разграничения антропологических типов и более широких общностей, привел антропологов к поискам новых расоводиагностических показателей на черепе. Так, Ю.Д. Беневоленская изучила почти все известные современные саамские краниологические серии из Норвегии, Финляндии и Кольского п-ова с использованием нового информативного показателя – затылочно-теменного индекса, имеющего большую расоводиагностическую значимость. Эти исследования подтверждают развиваемый нами в данной статье подход о двух главных исходных компонентах расогенеза и этногенеза саамов. При изучении четырех групп русских лопарей из Чальмны-Варре, Йоканьги, Варзино и Пулозеро, во всех случаях, по мнению Ю.Д. Беневоленской, можно проследить два компонента – европеоидный и монголоидный в стадии древнего смешения. Европеоидный компонент может быть очень древним, во всяком случае, Ю.Д. Беневоленская фиксирует его у части европеоидов мезолитического могильника на Оленьем о-ве в Онежском оз. Восточный тип – более поздний. Он отличается от североазиатских монголоидов и приближается к формам, встречающимся в приуральской зоне. Оба типа прослеживаются и у норвежских саамов (*Беневоленская* 1991: 5–18).

Саамские черепа из Норвегии, Финляндии и России обработаны с учетом выделенных им показателей и А.Г. Козинцевым, который пришел к выводу, что саамы по степени выраженности восточных черт опережают любую из исследованных европейских групп, кроме ненцев и удмуртов. Саамам также свойственна специфическая комбинация признаков, отмеченная у горных мари, мордвы-мокши, хантов, манси, ненцев и юкагиров. Можно предполагать, что хотя эти группы резко отличаются по составу европеоидности и монголоидности, они, тем не менее, сохраняют особенности древнейшего антропологического пласта, на основе которого сложилась уральская языковая семья (Козинцев 1991: 34–53).

Очевидно, что новые данные по краниологии саамов также разделяют антропологов на сторонников метисационной и автохтонной теорий. Такая же ситуация наблюдается и при характеристике саамов по другим системам признаков: одонтологии, дерматоглифике, серологии и самотологии.

Одонтология саамов. Одонтологический материал имеется только по кольским и финским группам (Зубов 1982, 1991). В одонтологии финских народов, проживающих на территории от Прибалтики до Урала, выделены два основных типа: северный грациальный и северноевропейский реликтовый. Черты второго типа проявляются среди финских народов мозаично, достигая наибольшей концентрации у саамов Кольского п-ова и Финляндии, финнов северо-восточной Финляндии, коми и марийцев, менее выражено у карел, велсов и финнов юго-восточной Финляндии. Как и в краниологии, в одонтологии саамов четко фиксируются европейский и восточный компоненты. Последний наиболее ощутим у менее смешанной и более сохранившей некоторые архаичные особенности антропологического своеобразия группы саамов оз. Инари в Финляндии и менее четко у более ассимилированных саамов России. И в этом случае один из главных вопросов саамского расогенеза, а также и этногенеза – вопрос о времени появления восточной примеси.

Р.У. Гравере полагает, что одонтологическая серия из Оленеостровского могильника на Онежском оз. характеризует момент проникновения на север Европы восточных элементов. Находя соответствия северноевропейскому реликтовому типу и в материалах эпохи камня Латвии (Абора, Крейчи, Звейниеки), она приходит к выводу, что указанный тип связан с древнейшим пластом населения лесной зоны Северной и Восточной Европы. Первоначально Р.У. Гравере связывала северноевропейский одонтологический тип с племенами гребенчатой керамики, а этнически – с восточно-прибалтийским населением, а позднее еще и с протосаамским населением, оставившим Оленеостровский мезолитический могильник (Гравере 1978, 1984).

Подобное отождествление одонтологии с этносом неправомерно. Понятие этноса намного шире и не исчерпывается особенностями зубной системы, данных которой недостаточно и для раскрытия собственно расогенеза саамов. Кроме того, и сам сравниваемый материал дает повод для разных суждений. Так, А.А. Зубов считает указанную мезолитическую серию почти европеоидной, а наличие столь выраженного восточного компонента у саамов, по его мнению, должно быть связано с каким-то другим генетическим комплексом, имеющим более концентрированный набор подобных черт (Зубов 1991: 83–89).

Если предположить, что этот восточный комплекс был привнесен на Север в ананьинское время, то с этой позиции было бы перспективно сравнить одонтологию саамов с палеоантропологическими материалами из Волго-Камья. На перспективность такого исследования указывает и близкое сходство особенностей зубной системы саамов с материалами из удмуртских кладбищ XVII–XVIII вв. и современными марийцами (Зубов 1982).

Дерматоглифика. Исследователи, изучавшие кожный рельеф кистей рук у саамов Финляндии и России, пришли к разным выводам. Саамы Финляндии рассматриваются как европеоидная по своему происхождению популяция (Lehman et al. 1970), саамы

Кольского п-ова – как своеобразная, сохранившая черты расово-нейтрального комплекса древняя популяция (Хазанова 1971: 145–148). Г.Л. Хить, рассмотревшая дерматоглифику саамов на широком фоне, пришла к заключению о неоднородности разных территориальных групп саамов по этому признаку. Инарские и горные лопари Финляндии идентифицированы ею как монголоидная популяция западносибирского происхождения, сохранившая древние дерматоглифические особенности благодаря географической и социальной изоляции. Наиболее европеизированные из всех изученных Г.Л. Хить групп саамы – кольские. Саамы скотлы, находясь географически между двумя указанными группами, занимают промежуточное положение между ними и в дерматоглифике. Таким образом, восточная примесь лучше сохранилась у более западных, нежели у более восточных групп саамов (Хить 1982: 148–171). Подобная динамика уменьшения восточной примеси от Финляндии к Кольскому п-ову хорошо прослеживается и на одонтологических материалах (Зубов 1982: 134–148).

По определению Г.Л. Хить, отмеченные группы саамов вместе с сибирскими манси составляют особый приуральский тип, который вместе с поволжскими народами (мари, удмурты, чуваша, коми-пермяки, арские татары) составляют восточную группу, выделяющуюся среди прочих народов Восточной Европы повышенной долей монголоидного компонента (Хить 1983: 81–88; 1991: 59–82). По данным этого автора монголоидная примесь и монголоидное происхождение саамов фиксируются более резко, чем по другим системам признаков.

Серология саамов. Серологии предсказывают большое будущее в разрешении вопросов расогенеза. Однако пока ее данным едва ли можно придавать решающее значение. Специалисты, работающие в этой области, полагают, что при изучении численности небольших народов и изолированных групп населения, к каким относятся и саамы, не следует делать далеко идущих выводов. В этом случае большое значение могли иметь такие явления, как эффект родоначальника и генный дрейф. Тем не менее результаты, полученные по серологии саамов Швеции, Норвегии, Финляндии и России, с одной стороны, выявляют их уникальность как популяции, сумевшей сохранить наследственные признаки с четко выраженной "лопарской частотой", с другой, отмечают их определенное сходство с прибалтийскими финнами (эстонцы, финны, карелы) и народами Приуралья и Зауралья (коми, ханты, манси) (Муррент 1964: 46–53; Франтс, Эрикссон 1982: 191–206; Сницин 1974: 77–83; Beckman et al. 1959: 1–8; Niskanen 1998: 134–150).

Соматология саамов. Своеобразие внешнего облика саамов, по сравнению с окружающими их народами, способствовало проявлению к ним устойчивого интереса со стороны антропологов. Лопарский тип представлен во многих классификациях в качестве самостоятельной единицы расовой систематики. Мы рассматриваем только две основные классификации, принадлежащие сторонникам метисационной и автохтонной концепций происхождения уральских народов.

В.В. Бунак выделял среди финно-угров народы, принадлежащие к балтийской и уральской расам. Генезис саамов этот ученый связывал с генезисом балтийского типа, который, как и уральский тип, сложился в неолите. Мезолитические племена, по мнению В.В. Бунака, не представляли собой консолидированного целого и отличались от современных антропологических типов и их сочетаний. Затем под воздействием различных факторов косвенной адаптации к климату приледниковой зоны в мезолитических группах балтийской зоны произошли сдвиги в сторону посветления окраски радужины глаз, депигментации волос, уменьшения высоты лица, набухлости век, частоты поднятия основания носа. В неолитическое время на разных участках территории, преимущественно на северном и восточном, сохранялись недифференцированные группы с атипическими вариантами признаков. В результате продвижения на север более высоколицих южных групп и перекрестного распределения вариантов признаков в позднем неолите образовалось несколько областных подтипов, которые соста-

вили одно таксономическое целое – балтийскую расу. Она включает группы с однородным сдвигом в комплексе признаков на территории от Ботнического залива до верхнего Днепра и нижней Вислы. Лопарский тип следует определить как древнюю остаточную формацию, где "процессы балтизации" не получили законченного выражения. Популяция саамов была оттеснена к северу и не оказала влияния на сложение балтийского типа. По соматическим и краниологическим особенностям лопарский тип правильнее определять как древний по происхождению вариант европейской группы, сохранившейся в арктической зоне, но как особая "остаточная" форма (Бунак 1965: 174–181).

Теория о множественности расообразующих центров и относительно позднем мезо-неолитическом времени функционирования некоторых из них нашла поддержку среди антропологов. Возможность длительного сохранения недифференцированных типов в лесной полосе Восточной Европы имеет подтверждение и в новых палеоантропологических материалах, как и положение о неоднородности ее древнего населения (Гохман 1986). Однако теория В.В. Бунака не может убедительно объяснить сходство саамов с народами Приуралья и Зауралья. Понимая это противоречие, В.В. Бунак высказал в своей последней работе предположение, что некоторые черты сходства лопарей с сибирскими народами составляют наследие некоторой промежуточной формации, распространенной в Сибири и Северной Европе от Урала до Балтийского моря. Эта формация сочетала в себе признаки обеих систем – сибирской и европейской (Бунак 1980: 295–296). Подобную гипотезу на основании краниологического материала попробовал подтвердить и А.Г. Козинцев (Козинцев 1991).

Само по себе выяснение степени сходства и генетического родства всех финно-угорских народов и выявление наиболее архаичных пластов этой общности в антропологии весьма интересно, но пока существует гораздо больше фактов, свидетельствующих не об общности происхождения саамов со всеми другими уральцами, а о прямом участии приуральского населения в расогенезе саамов. Отчетливый импульс с юго-востока улавливается в археологических и лингвистических материалах.

К.Ю. Марк проделала большую работу, собрав материал по соматологии всех финно-угорских народов. Она дала наиболее исчерпывающую характеристику соматологии лопарского типа. Согласно ей, по признакам первого порядка саамов отличает слабый рост бороды, ослабленная профилировка лица, довольно сильно, по финно-угорским меркам, выступающие скулы, наличие эпикантуса, относительно низкое переносье и весьма уплощенный поперечный профиль носа. Все это говорит о монголоидной примеси среди саамов. Что касается измерительных признаков, то длина тела у саамов – небольшая, голова – брахикефальная, лицо – очень низкое, нос – довольно широкий. Главное, что отличает саамов от других уральских народов, – малая высота лица. Наиболее характерными представителями лапоноидного типа являются горные и инарские саамы Финляндии (Марк 1982: 112–132), что подтверждается также данными одонтологии и дерматоглифики.

На базе соматологических данных К.Ю. Марк сделала важный вывод о наличии большей или меньшей монголоидной примеси у большинства финно-угорских народов. Величина этой примеси служит для исследовательницы главным разграничительным признаком. Прибалтийско-финские народы, большая часть мордвы, в меньшей степени коми-зыряне, имеющие слабую монголоидную примесь, отнесены к разным вариантам беломорско-балтийской расы. У остальных финских народов – саамов, коми-пермяков, марийцев, удмуртов, части мордвы-мокши, части коми-зырян – монголоидная примесь выражена сильнее, а у западносибирских угров, хантов и манси вообще преобладает. Эти народы, основные признаки которых занимают промежуточное положение между европеоидами и монголоидами, отнесены К.Ю. Марк к уральской расе (Марк 1975). Эта классификация хорошо объясняет ослабление европеоидных черт с запада на восток и усиление монголоидных черт в обратном направлении. Про-

тивники метисационной концепции указывают на невозможность объяснения с этих позиций наличия противоречивых черт у современных антропологических типов, в частности, на светлую пигментацию западных финнов. Эта светлая, в мировом масштабе, пигментация глаз и волос, особенно у групп финнов в Восточной Финляндии и эстонцев в Восточной Эстонии, свидетельствует об отсутствии у них монголоидной примеси как таковой.

К.Ю. Марк и другие исследователи полагают, что депигментация произошла уже в смешанных группах европеоидов и монголоидов, которые сохранили черты этого смешанного комплекса с очень древних времен. Сама уральская раса в этой связи рассматривается как область древнего смешения европеоидов и монголоидов. Именно этим объясняется пристальное внимание к палеоантропологическому материалу, в котором исследователи пытались найти доказательства наличия или отсутствия монголоидной примеси у населения лесной полосы Восточной Европы в мезолите и неолите. К.Ю. Марк, решая вопрос о наличии монголоидной примеси положительно, считает, что древние формы уральской расы присутствуют уже в мезолите-неолите, особенно у племен гребенчато-ямочной керамики. К древнейшим формам уральской расы были причислены немногочисленные, часто фрагментированные и к тому же не точно датированные черепа в основном из Восточной Прибалтики, характеризующиеся как брахикранные и мезокранные с широким и низким лицом. Поскольку они напоминали современный лапоноидный (саамы) или сублапоноидный, волго-камский, по К.Ю. Марк (мари, удмурты, коми-пермяки, отчасти коми-зыряне), типы, то все древнейшие формы уральской расы были названы протолапоноидными (Марк 1975). На этом основании был сделан вывод о чрезвычайно широком распространении лопарей в глубокой древности. Однако надежных данных для этого в антропологии нет. Метисационная теория, безусловно, хорошо раскрывает наличие второго восточного компонента в расогенезе саамов, одновременно подчеркивая и большую роль местных факторов. При этом возникает вопрос о времени проникновения восточного компонента на Север Европы. По имеющимся источникам, учитывая лингвистические и археологические материалы, такой импульс ощущается около середины I тысячелетия до н.э. Это не означает, что подобный импульс был единственным. Уральские горы не могли служить серьезным препятствием для разграничения движения населения по линии восток-запад, но есть все основания считать, что этот достаточно поздний по антропологическим меркам импульс сыграл определенную роль в расогенезе саамов. Это подтверждается и данными краниологии, однозначно указывающими на довольно позднее оформление лапоноидного типа. Подобное суждение вовсе не опровергает участие в становлении саамов и какого-то недифференцированного уникального по своим характеристикам населения. Саамы отличны от всех популяций мира благодаря определенному набору генных признаков, высокому проценту группы крови А-2, низкому лицу. Таким образом, только наличие двух компонентов – северноевропейского реликтового и приуральского монголоидного – позволяет объяснить противоречивое сочетание антропологических признаков и расогенез саамов.

Антропологические данные о взаимоотношениях саамов с другими народами.

Обычно этот вопрос ставится в одностороннем порядке и обсуждается роль саамского субстрата в становлении антропологического своеобразия окружающих их народов. Обратное влияние на изменение облика и особенностей лопарей изучено меньше. Реальных сведений о влиянии саамского субстрата на соседние народы немного. В.В. Бунак отметил, что разрозненные следы лопарского типа действительно прослеживаются в отдельных группах населения на периферии балтийской зоны (Бунак 1965: 176). К.Ю. Марк писала, что население северной Финляндии, а именно финны Савукоски, Салла и Куусамо, вероятно, испытали более сильное влияние саамского субстрата, чем остальные северные финны. Они обнаруживают по ряду признаков большее сходство с горными и инарскими саамами, но отличаются более светлой пигментацией

глаз и волос. Поэтому можно предполагать, что более ранние саамские группы, принимавшие участие в сложении северо-восточных финнов, были светлопигментированные (Марк 1982: 132–133). Сходный вывод был сделан А.А. Зубовым и Г.Л. Хить на базе одонтологии и дерматоглифики саамов, что в определенной мере отражает более высокую степень изученности населения Финляндии по ряду антропологических систем. А.А. Зубов обнаружил, что финны северо-восточной Финляндии имеют очень большое сходство с кольскими и финскими саамами, и это позволяет предположить, что они формировались на основе саамского субстрата (Зубов 1982: 148–171).

В.И. Хартанович при исследовании черепов современных карел отметил небольшой сдвиг в саамскую сторону у сегозерских карел и большую близость черепов из кладбища в Компаково в Беломорье с саамскими, что говорит об ассимиляции карелами саамского населения (Хартанович 1980, 1991: 19–33). Л. Бэкман, А. Эрикссон и другие авторы установили влияние саамов на северных финнов и шведов на базе изучения групп крови (Франкс, Эрикссон 1982; Beckman et al. 1959: 1–8). Определенные сведения по этому вопросу можно порой встретить и в этнографической литературе. Так, Элиас Леннрот во время своих поездок по Северу России отметил сходство внешнего облика саамов восточной части Кольского п-ова – так называемой "лешей лопи" – с северными карелами (Леннрот 1985).

Отсутствие данных по антропологии южных саамских группировок, заселявших ранее пространства примерно до 60-й северной широты на юге и до реки Северная Двина на востоке, не позволяет оценить степень их антропологического взаимодействия с другими народами, как и степень древнего антропологического единства саамов в целом.

Таким образом, антропологические данные свидетельствуют о наличии в лапоноидном типе двух генетических компонентов: северноевропейского реликтового, уходящего корнями в мезо-неолитическое время, и приуральского монголоидного, имеющего более позднее происхождение. Только так можно объяснить существование в антропологическом типе лопарей отчетливых уникальных и неповторимых реликтовых особенностей и очевидное тесное сходство лопарей с другими уральскими народами. Археологические материалы в их современной интерпретации позволяют определить время появления монголоидного типа на Севере Европы эпохой железа и связать этот тип с населением, оставившим приказанско-ананьинские могильники Волго-Камья. В монографии автора (Манюхин 2002) это положение подкрепляется сведениями из лингвистики и археологии, которые дают новые убедительные свидетельства правильности выводов, полученных при изучении антропологической характеристики лопарей.

Литература

- Акимова 1953 – Акимова М.С. Новые палеолитические находки эпохи неолита на территории лесной полосы европейской части СССР // Кр. сообщ. Ин-та этнографии. Вып. XVIII. М., 1953. С. 54–65.
- Акимова 1968 – Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.
- Алексеев 1969 – Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969.
- Алексеев 1974а – Алексеев В.П. Краниологическая характеристика населения Восточной Фенноскандии (по материалам Г.Ф. Дебеца и автора) // Расогенетические процессы этнической истории. М., 1974. С. 85–105.
- Алексеев 1974б – Алексеев В.П. География человеческих рас. М., 1974.
- Беневоленская 1991 – Беневоленская Ю.Д. Данные к расогенезу саамов в аспекте временной динамики структуры черепа // Происхождение саамов (по данным антропологии и археологии). М., 1991. С. 5–18.
- Брюсов 1951 – Брюсов А.Я. Свайное поселение на р. Модлона и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // Матер. и исслед. по археологии СССР. М., 1951. № 20.
- Брюсов 1961 – Брюсов А.Я. Караваевская стоянка // Сб. по археологии Вологодской области / Отв. ред. А.Я. Брюсов. Вологда, 1961. С. 72–162.

- Бунак 1956 – Бунак В.В. Человеческие расы и пути их образования // Сов. этнография. 1956. № 1. С. 85–105.
- Бунак 1965 – Бунак В.В. Вопросы расогенеза // Происхождение и этническая история русского народа. (Тр. Ин-та этнографии. Т. 88. Нов. сер.) М., 1965.
- Бунак 1980 – Бунак В.В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980.
- Витов и др. 1959 – Витов М.В., Марк К.Ю., Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Восточной Прибалтики // Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. 2. М., 1959.
- Герасимов 1949 – Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.
- Гохман 1986 – Гохман И.И. Антропологические особенности древнего населения Севера Европейской части СССР и пути их формирования // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986. С. 216–222.
- Гохман и др. 1978 – Гохман И.И., Лукьянченко Т.В., Хартанович В.И. О погребальном обряде и краниологии лопарей // Полевые исслед. Ин-та этнографии 1976 года. М., 1978. С. 51–67.
- Гравере 1977 – Гравере Р.У. Одонтологическая характеристика древнейшего населения Латвии и фатьяновцев // Изв. АН Латв. ССР. История. 1977. № 4. С. 78–93.
- Гравере 1984 – Гравере Р.У. Североευропейский реликтовый одонтологический тип // Изв. АН Латв. ССР. История. 1984. № 12. С. 26–37.
- Гурина 1955 – Гурина Н.Н. Новые неолитические памятники в Восточной Эстонии // Древние поселения и городища. Таллин, 1955. С. 158–169.
- Дебец 1948 – Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии. Т. IV. Нов. сер. М., 1948.
- Дебец 1964 – Дебец Г.Ф. Об антропологическом типе древнего населения Финляндии // Современная антропология: Тр. Московского об-ва естествоиспытателей. Т. XIX. М., 1964. С. 233–239.
- Денисова 1975 – Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975.
- Денисова 1982 – Денисова Р.Я. О генезисе прибалтийских финнов // Изв. АН Латв. ССР. История. 1982. № 7. С. 65–81.
- Жиров 1940 – Жиров Е.В. Заметки о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова // Кр. сообщ. Ин-та истории материальной культуры. Вып. VI. 1940. С. 51–54.
- Збруева 1952 – Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Матер. и исслед. по археологии СССР. 1952. № 30.
- Зубов 1982 – Зубов А.А. Географическая изменчивость одонтологических комплексов финно-угорских народов // Финно-угорский сб.: Антропология, археология, этнография. М., 1982. С. 134–148.
- Зубов 1991 – Зубов А.А. Замечания по поводу локальных вариантов одонтологической характеристики саамов // Происхождение саамов (по данным антропологии и археологии). М., 1991. С. 83–104.
- Козинцев 1991 – Козинцев А.Г. Краниоскопические особенности населения Финляндии // Происхождение саамов ... С. 34–52.
- Косменко 1993 – Косменко М.Г. Археологические культуры периода бронзы-железного века в Карелии. СПб., 1993.
- Кузьминых 1983 – Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983.
- Леннрот 1985 – Леннрот Э. Путешествие Элиаса Леннрота. Петрозаводск, 1985.
- Манюхин 2002 – Манюхин И.С. Происхождение саамов (опыт комплексного изучения). Петрозаводск, 2002.
- Марк 1956а – Марк К.Ю. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин. 1956. С. 112–133.
- Марк 1956б – Марк К.Ю. Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита в Прибалтике // Изв. АН Эст. ССР. Сер. общ. наук. 1956. № 1. С. 221–242.
- Марк 1975 – Марк К.Ю. Антропология прибалтийско-финских народов. Таллин, 1975.
- Марк 1982 – Марк К.Ю. Соматология финнов и саамов // Финно-угорский сб. С. 112–133.
- Муррент 1964 – Муррент А.Э. Группы крови народов Северной Европы и Азии // Современная антропология: Тр. Московского об-ва естествоиспытателей. Т. XIV. М., 1964. С. 46–53.
- Патрушев 1984 – Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н. э. Йошкар-Ола, 1984.

- Попова* 1960 – *Попова Т.Б.* Происхождение поздняяковской культуры // Тр. государственного Государственного музея. Вып. 37. М., 1960. С. 21–37.
- Синицин* 1930 – *Синицин С.Д.* Костные остатки человека в раскопках А.В. Шмидта // Кольский сб.: Матер. комиссии экспед. исследований. Вып. 23. Л., 1930. С. 181–183.
- Спицин* 1974 – *Спицин В.А.* Интерпретация данных популяционно-генетических исследований белкового спектра и некоторых ферментов крови в связи с проблемой формирования народов финно-угорской семьи // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М., 1974. С. 77–83.
- Трофимова* 1941 – *Трофимова Т.А.* Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры // Уч. зап. Пермского гос. ун-та. № 63. Пермь, 1941. С. 174–186.
- Трофимова* 1968 – *Трофимова Т.А.* Еще раз о черепах из Луговского могильника ананьинской культуры // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 69–72.
- Франкс, Эрикссон* 1982 – *Франкс Р., Эрикссон А.* Полиморфизм энзимов и протеинов у народа коми // Финно-угорский сб. С. 191–206.
- Хазанова* 1971 – *Хазанова А.Б.* Дерматоглифика лопарей и коми Кольского полуострова // Вопр. антропологии. 1971. № 37. С. 135–148.
- Халиков* 1977 – *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М., 1977.
- Халикова* 1967 – *Халикова Е.А.* Второй Полянский могильник // Уч. зап. Пермского гос. ун-та. 1967. № 148. С. 116–132.
- Хартанович* 1980 – *Хартанович В.И.* Новые материалы по краниологии саамов // Иссл. по палеоантропологии и краниологии СССР: Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. 36. Л., 1980. С. 35–47.
- Хить* 1982 – *Хить Г.Л.* Расовый состав населения Финляндии по данным дерматоглифики // Финно-угорский сб. С. 148–171.
- Хить* 1983 – *Хить Г.Л.* Дерматоглифика народов СССР. М., 1983.
- Хить* 1991 – *Хить Г.Л.* Саамы в дерматоглифической систематике финно-угров Евразии // Происхождение саамов (по данным антропологии и археологии). М., 1991. С. 59–82.
- Шмидт* 1930 – *Шмидт А.В.* Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сб. Вып. 23. Л., 1930. С. 132–169.
- Якимов* 1953 – *Якимов В.П.* Антропологическая характеристика костяков из погребений на Большом Оленьем острове (Баренцево море) // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. XV. Л., 1953. С. 348–485.
- Beckman et al.* 1959 – *Beckman L., Broman B., Johanson B., Mellbin T.* Further data on the blood groups of the Swedish Lapps // Acta genetica. 1959. Vol. 9. P. 1–9.
- Coon* 1939 – *Coon C.* The races of Europe. N. Y., 1939.
- Kivikoski* 1961 – *Kivikoski E.* Suomen esihistoria // Suomen esihistoria. Porvo; Helsinki, 1961.
- Kleppe* 1977 – *Kleppe E.J.* Archaeological and Ethnic Identification // Norwegian archaeological rev. 1977. Vol. 10. № 1–2. P. 32–37.
- Lehman et al.* 1970 – *Lehman W., Jurgens H.W., Forsius H., Eriksson A.W.* Uber das Hautleistensystem der Skoltlappen // Zeitschrift fur Morphologie und Anthropologie. Bd. 62. 1970. H. 1. P. 31–48.
- Niskanen* 1998 – *Niskanen N.* The genetic relationship of Northern and Central Europe in light of craniometric measurements and frequencies // The Roots and Languages of Northern Eurasia. Turku, 1998. P. 134–150.
- Schreiner K.* 1931, 1935 – *Schreiner K.* Zur Osteologie der Lappen. Bd. I. Oslo, 1931; Bd. II. Oslo, 1935.

I.S. Maniukhin. On the Issue of Age and Specific Traits of the Origin and Development of the Laponoid Anthropological Type

The article is an attempt to trace the origin and development of the Laponoid anthropological type. Drawing on data from a range of fields, such as craniology, somatology, dermatoglyphics, odontology, and serology, as well as on archaeological sources, the author argues that the Lapps type began forming in the early Iron Age as a result of the interaction between northern Europeoid populations with Europeoid-Mongoloid groups that had populated the Volga-Kama river area and moved North around the middle of the first millennium B.C.